

Детектив —

нравоучительная сказка

Из "Автобиографии"

Переводить эту книгу было приятно и весело по трем как минимум причинам. Во-первых, теперь так редко встречаются сочинения, пронизанные, как это, оптимизмом, здравым смыслом, добрым юмором и самоиронией — словом, душевным здоровьем. Далее, "Автобиографию", перефразируя бессмертную формулу, смело можно назвать энциклопедией английской жизни первых двух третей нынешнего века. Наконец, произошло знакомство даже не столько с автором знаменитых детективных сюжетов — кто же не знает Агату Кристи? — сколько с мудрым, добрым, терпимым человеком, нередко попадающим в разные ситуации — то печальные, то забавные. Иногда они связаны с книгами, а иногда вовсе не связаны, но оттого не менее интересны.

Мы выбрали для газетной публикации несколько небольших фрагментов объемистой книги. Более подробное знакомство с ней ожидает читателей журнала "Дружба народов" в начале будущего года. А полностью книга выйдет в РИК "Культура", которому предоставлены эксклюзивные права на ее русское издание.

ОДНАЖДЫ я получила письмо. Небрежно вскрытый конверт, пробежала написанное глазами, даже не вникнув поначалу в смысл. Письмо было от Джона Лейна из издательства "Бодли Хед", меня просили зайти по поводу рукописи "Таинственное преступление в Стайлсе", которую я предложила издательству.

По правде сказать, я забыла о "Таинственном преступлении в Стайлсе". Рукопись лежала в "Бодли Хед" уже почти два года, но волнения, связанные с окончанием войны, возвращением Арчи* и началом нашей самостоятельной семейной жизни, оттеснили для меня писательство и все рукописи на самый дальний план.

Я шла в издательство, полная надежд. В конце концов, видимо, вещь им хоть немного понравилась — иначе зачем стали бы они приглашать автора? Меня проводили в кабинет Джона Лейна. Навстречу поднялся невысокого роста человек с седой бородой, его облик соответствовал скорее елизаветинской эпохе. Вокруг повсюду — на стульях и на полу, прислоненные к ножкам стола — были расставлены картины, пожокие на работы старых мастеров, покрытые толстым слоем лака и пожелтевшие от времени. Мне подумалось, что и сам мистер Лейн прекрасно вписался бы в одну из этих рам в костюме с высоким гофрированным воротником. У него были мягкие манеры, но жесткий взгляд, который должен был бы насторожить меня, подумав, что Джон Лейн из тех, кто умеет заставить автора подписать невыгодный договор. Он поздоровался со мной и предложил сесть. Я огляделась — сесть было некуда, на всех стульях стояли картины. Вдруг понял это, он рассмеялся: "О, Боже, здесь не больно-то рассадешься", — снял со стула портрет какого-то зловещего вельможи, и я села.

Затем разговор перешел к книге. Некоторые из читавших рукопись, сообщил Джон Лейн, находят ее многообещающей: из нее может кое-что выйти. Но необходимо значительно переработать. Например, последнюю главу. У вас она представляет собой описание судебного заседания, но так суд не описывают — это просто смешно. Смогу ли я переписать финал?.. Я тут же выпалила, что постараться, подумаю — быть может, перенесу заключительную сцену в другое место. Словом, что-нибудь придумаю. Он сделал несколько других замечаний, которые, в отличие от возражения против финального эпизода, не были сколько-нибудь существенными.

После этого Джон Лейн приступил к деловой стороне, нажимая на то, что издатель сильно рискует, публикуя нового, никому не известного автора, и что прибыли от такого издания практически не бывает. Наконец он извлек из ящика стола договор, который предложил мне подписать. Я была в таком состоянии, что ни изучить договор, ни даже просто сообразить, что к чему, не могла. Он издает мою книгу! Уже несколько лет, как я потеряла всякую надежду опубликовать что бы то ни было, кроме случайного рассказа или стихотворения, и мысль о том, что я увижу свою книгу напечатанной, ошеломила меня. Я подписала бы в тот момент что угодно.

Договор предусматривал, что я получу гонорар только после реализации первых двух тысяч экземпляров, да и то более чем скромный. Права за публикацию в периодике или постановку спектакля по этой вещи наполовину принадлежали издателю.

Все это не имело для меня никакого значения, единственное, что было важно: моя книга будет издана!

Я даже не заметила, что в договоре имелся "крючок" — пункт о том, что пять следующих книг я обязана отдать только этому издательству, причем гонорар за них увеличился совсем незначительно. Мне все это представлялось невероятной удачей и полной неожиданностью. Я с энтузиазмом подписала договор и взяла с собой рукопись, чтобы убраться в последнюю главу несурзанности. Надо сказать, что справилась я с этим очень легко.

Вот так началась моя долгая карьера; впрочем, тогда я и не подозревала, что она будет долгой. Я воспринимала публикацию своего романа как отдельный и совершенно самостоятельный эпизод моей жизни. Думаю, спроси меня кто-нибудь тогда, собираюсь ли я продолжать писать книги, я бы ответила, что, быть может, время от времени буду писать рассказы-другой. Я была совершеннейшим любителем — ни о каком профессионализме говорить не приходило. Для меня писательство служило развлечением.

Я являлась домой с победным видом, рассказала все Арчи и мы отправились в Хаммерсмит, во Дворец танцев, отпраздновать это событие.

С нами был, однако, еще кое-кто, хоть я об этом и не догадывалась. Эржюль Пуаро, мой вымышленный сыщик; отныне я таскала его за собой повсюду, словно карлик-горбун своей горь.

Я И НЕ ЗАМЕТИЛА, как оказалась нарочно привязанной не только к детективному жанру, но и к двум людям: Эржюлю Пуаро и его Ватсону — капитану Гастингу. Я обожаю капитана Гастинга. Персонаж был вполне шаблонным, но в паре с Эржюлем Пуаро они представляли собой идеальную, с моей точки зрения, команду сыщиков. Я все еще оставалась в русле шерлоковской традиции — эксцентричный сыщик, подыгрывающий ему ассистент-детектив из Скотленд-Ярда типа Лестрейда — инспектор Джопи, и теперь я еще добавила "человека-гонимую", инспектора Жиро из французской полиции. Жиро относится к Пуаро пренебрежительно, как к отжившему свой век реликту.

Только теперь я поняла, какую ужасную ошибку совершила, с самого начала сделав Пуаро таким старым, — видимо, придется, написав три-четыре книги, отказаться от него и придумать кого-то другого, помоложе...

Моей третьей книгой было "Убийство на поле для гольфа". "Бодли Хед" оно удовлетворило, однако я слегка повздорила с ними из-за обложки. Помимо того, что она была выполнена в чудовищных цветах, ее просто плохо придумали. Насколько можно понять, на ней изображен мужчина в пиджаке, умирающий на поле для гольфа от эпилептического припадка. Поскольку убитый, по сюжету, был нормальный одет и заколот кинжалом, я возражала. Обложка может не иметь никакого отношения к содержанию, но колъ уж никак, не должна его искажать. По этому поводу было много волнений, я пришла в ярость, и мы наконец договорились, что впрямь я буду просматривать и утверждать обложку заранее.

На "Таинственное преступление в Стайлсе" было несколько хороших отзывов, но мне больше всего понравилась рецензия в "Фармацевтическом журнале", "Этот детективный роман" хвалили за то, что в нем "правильно описывается действие ядов, а не придумываются некие не существующие

дидо именно то-то и то-то.

От бабушкиных пророчеств становилось порой не по себе. У моих брата и сестры была ручная белочка, жившая в доме около года. Как-то бабушка, обнаружив ее в саду со сломанной лапкой, с умудренным видом сказала: "Помните мое слово, на днях эта белка сгорит в дымоходе". Белочка сгорела через пять дней.

Или вот еще история с вазой, стоявшей в гостиной на полке над дверью. "На твоём месте, Клара, я бы ее здесь не держала, — сказала маме бабушка. — Кто-нибудь хлопнет дверью или дверь притянет сквозняком — и ваза упадет". "Но она стоит здесь уже десять месяцев!" "Может быть", — согласилась бабушка. Несколько дней спустя была гроза, дверь хлопнула — ваза свалилась.

Быть может, это ясновидение. Во всяком случае, в какой-то мере я наделила мисс Марпл бабушкиным даром. Мисс Марпл не назывешь недоброй, просто она не доверяет людям. И хоть ждет от них худшего, бывает добра независимо от того, что они собой представляют.

Когда мисс Марпл родилась, ей было уже под семьдесят, что, как и в случае с Пуаро, оказалось неудобным, ибо ей предстояло еще долго жить со мной вместе. Если бы я обладала даром предвидения, я бы в самом начале придумала не по годам смышленного юношу-детектива, который вырос и старился бы вместе со мной.

НАЧАВ писать детективы, я совершенно не была расположена оценивать события, в них происходящие, или серьезно размышлять над проблемами преступности. Детектив — рассказ о погоне, в значительной степени это мораль — нравоучительная сказка: порок в нем всегда повержен, добро торжествует.

Во времена, относящиеся к войне 1914 года, злодей не считался героем: враг был плохой, герой — хороший, именно так — грубо и просто. Тогда не было принято углубляться в психологические бездны. Я, как и всякий, кто пишет или печатает книги, была против преступника, за невинную жертву... Кто бы мог подумать, что настанут времена, когда книги о преступлениях станут пробуждать любовь к насилию и приносить садистское удовольствие описаниями жестокости ради жестокости? Резонно было бы предположить, что общество восстанет против таких книг. Ничего подобного, жестокость — сегодня вполне заурядное явление.

Пишущий криминальные истории неизбежно начинает интересоваться криминалистикой. Мне особенно интересно читать свидетельства тех, кто вступал в контакт с преступниками, особенно тех, кто пытался помочь им или, как говорили в старину, "перевоспитать" — теперь, вероятно, существуют более подходящие для этого термины. Безусловно, есть такие, кто, подобно шекспировскому Ричарду III, имеет основания сказать, что зло — их Бог. Они сознательно привержены злу, словно милтоновский Сатана, который хотел быть великим, жаждая власти, мечтал сравняться с Богом. Он не знал любви, следовательно, не было в нем смирения. Могу сказать на основании собственных жизненных наблюдений, что там, где нет смирения, люди гибнут...

Не стану рассуждать об убийцах — просто считаю, что для общества они — зло, они не несут ничего, кроме ненависти, и только она — их оружие. Видимо, так уж они созданы, от рождения лишены чего-то, и, наверное, им следует посочувствовать, но щадить их нельзя, как — увы! — нельзя было в средние века щадить человека, спасшегося из охваченной чумой деревни, ибо он представлял собой угрозу для невинных и здоровых людей в соседних селениях. Невинный должен быть защищен: он должен иметь возможность жить в мире и согласии с окружающими.

Меня пугает то, что никому, кажется, нет дела до невинности. Читая об убийстве, никто не ужасается судьбой той худенькой старушки в маленькой табачной лавке, которая, повернувшись, чтобы снять с полки пачку сигарет для молодого убийцы, подверглась нападению и была забита им до смерти. Никто не думает о ее страхе, ее боли и ее спасительном забвении — все интересуется убийцей: "Ах, он так молод еще!"

Что делать с теми, кто заражен бактерией безжалостной ненависти, для кого чужая жизнь — ничто? Часто это люди из хороших семей, имеющие блестящие возможности, неплохое образование, но они оказываются, попросту говоря, порочными. Разве существует лекарство от порока? Чем наказывать убийцу? Только не пожизненным заключением — это еще более жестоко, чем чаща с цыкутой, которую подносили осужденному в Древней Греции. Наиболее подходящим выходом, с моей точки зрения, была бы депортация на голые земли, населенные только примитивными человеческими существами.

Нужно набраться смелости и признать: то, что мы называем пороками, когда-то почиталось за весьма полезные качества. Не будь первобытный человек жесток, безжалостен, начисто лишен милосердия, быть может, он и не выжил бы, а очень скоро исчез с лица земли. Наш порочный современник в доисторические времена имел бы шанс преуспеть. Но теперь он вреден и опасен.

По-моему, можно приговаривать таких людей к принудительному общественным работам или позволить им выбор между ядом и предоставлением себя для научных опытов. Существует множество сфер, особенно в медицине, врачевании, где человеческий организм жизненно необходим для проведения экспериментов — опыты на животных недостаточны. Сейчас ученые, исследователи-энтузиасты, насколько мне известно, рискуют собственной жизнью. Преступник, вместо того чтобы быть казненным, мог бы добровольно стать на определен-

ный срок подопытным кроликом. По истечении этого срока, если останется жив, он считался бы отбывшим наказание свободным человеком — кашнова печать была бы смыта с его чела.

Конечно, это может никак не повлиять на преступника, он лишь скажет себе: "Что ж, повезло, как бы то ни было, я спасся". Но, быть может, тот факт, что общество станет теперь **обязанным** такому человеку, затронет все же какую-то струнку в его душе? Никогда не следует питать чрезмерных надежд, но терять надежду тоже не стоит. У преступника по крайней мере появится шанс сделать нечто полезное и избежать заслуженной кары — шанс начать жизнь сначала. Разве не может случиться, что на сей раз он проживет ее иначе?

Если же нет, останется лишь сказать — помилуй его Бог. Пусть не в этой, в следующей жизни он, быть может, все же пойдет "все выше и вперед". Но остается проблема невинных людей — тех, кто искренне и отважно идет по **нынешнему** жизненному пути и здесь нуждается в защите от зла. Они — главная наша забота.

ИЗ 3000 детективных книг, пожалуй, больше всего я довольна двумя — "Кривым домишкой" и "Испытанием невинностью"... Великий риск — перечитывать написанное тобой семнадцать-восемнадцать лет назад. Взгляды меняются, и не все книги это испытание выдерживают.

Одна индийская корреспондентка, интервьюировавшая меня, спросила: "Опубликовали ли вы когда-нибудь книгу, которую считаете откровенно плохой?" Я с возмущением ответила: "Нет!" Ни одна книга не вышла точно такой, как я хотела, сказала я, и я никогда не была удовлетворена, но если бы книга оказалась действительно плохой, я бы никогда ее не опубликовала.

И все же "Тайна Голубого экспресса" близка к этому определению. Перечитывая ее, вижу, как она банальна, напичкана штампами, вижу, что сюжет ее неинтересен. Многим, к сожалению, она нравится. Не зря говорят, что автор не судья своим книгам.

Как печально будет, когда я не смогу больше ничего написать, хоть и понимаю, что негоже быть ненасытной. В конце концов то, что я в состоянии писать в свои семьдесят пять, уже большая удача. К этому возрасту следовало бы удовлетворяться сделанным, угомониться и уйти на покой. Признаюсь, у меня возникала мысль уйти на покой в этом году, но тот факт, что моя последняя книга продается лучше, чем любая предыдущая, оказалась неожиданным искушением: глупо останавливаться в такой момент. Может быть, отодвинуть роковую черту к восьмидесяти?..

Я была исключительно счастлива в этой жизни. Такой жизнью, какую прожила я — достойной и насыщенной, — можно гордиться.

Хорошо, конечно, писать такие возвышенные слова. А что, если я проживу лет до девяноста трех, сведу с ума всех близких тем, что не буду слышать ни слова, стану горько сетовать на несовершенство слуховых аппаратов, задавать бесчисленное множество вопросов, тут же забывая, что мне ответили, и спрашивать снова то же самое? Буду яростно спорить с сиделкой и обвинять ее в том, что она хочет меня отравить, или сбежать из лучшего заведения для благородных старых дам, обрекая свою бедную семью на бесконечные тревоги? А когда наконец схвачу бронхит, все вокруг станут шептать: "Бедняжка! Но нельзя не признать, что эта для всех избавление..."

Это действительно будет избавлением — для них, — и это лучшее, что может случиться. А пока, удобно расположившись, я все еще жду вызова в приемной у Смерти и наслаждаюсь жизнью. Правда, с каждым годом приходится что-то вычеркивать из списка удовольствий.

Дальние прогулки пешком — долгие! И — увы! — морские купания тоже. Жареное филе, яблоки и свежее ежовику (непригодности с зубами). Чтение мелкого шрифта. Но многое еще и остается. Опера и концерты, чтение, наслаждение, которое испытываешь, ложась в постель и засыпая, самые разные сны, молодежь, которая приходит навещать меня и бывает удивительно мила. А самое, пожалуй, лучшее — сидеть на солнышке, тихо дремать и... вот мы и добрались до главного — **вспоминать!**

Сколько же всего сохранилось в памяти: прогулка по ковру из живых цветов к алтарю Изиды в Шейх Ади... Красота изразцов в мечети Исфахана — города волшебной сказки... Огненный закат над нашим домом в Нимруде... Остановка поезда у Киликийский ворот в вечерней тишине... Купание с Розалиндой* в Торбесе... Мэтью**, играющий за Итон и Хэрроу... Возвращение Макса*** с войны и ужин из подгорелой рыбы... Так много всего — глупого, забавного, красивого. Два исполнившихся тиеславных желания: ужин у английской королевы (как бы радовалась Няня. "Где ты была сегодня, киска?") и обладание "бутылконосом" "моррисом каули" — моим собственным первым автомобилем! Самое острое ощущение детства: канарейка Голди, слетающая с карниза для штор после целого дня наших безнадежных поисков и отчаяния...

Ребенок, вставая из-за стола, говорит: "Спасибо тебе, Господи, за хороший обед".

Что сказать мне в мои семьдесят пять? Спасибо тебе, Господи, за мою хорошую жизнь и за всю ту любовь, что была мне дарована.

Перевод с английского Ирины ДОРОНИНОЙ и Валентины ЧЕМБЕРДЖИ

* Арчибалд Кристи — первый муж Агаты Кристи.

* Во время первой мировой войны Агата Кристи изучала фармакологию и работала в госпитальной аптеке.

** Дочь А.Кристи.

*** Внук А.Кристи.

**** Макс Мэллоуэн — второй муж А.Кристи.